

Папа

Зимний вечер. За окном темно. В свете фонарей сверкают и падают снежинки. В детстве день тянется бесконечно долго. Я сижу у окна, жду родителей с работы. Бабушка возится на кухне. Я смотрю на луну и думаю: «Может, папа сейчас тоже смотрит на нее?» От этого мне становится веселее. Мне приходит в голову мысль, что точно так же на луну смотрели в детстве мои папа, и мама, и бабушка.

Какими они были в детстве? Где жили? Какими были родители бабушки? Почему я – это именно я? Вопросов много. Я еще совсем маленькая, еще не знаю, что у людей есть национальности, что мы немцы. Но я уже точно знаю: на родном языке говорить можно только дома. Мне вспоминается вчерашний день. Бабушка взяла меня с собой. Мы в большом зале. Здесь очень много людей. Когда подходит наша очередь, бабушку о чем-то спрашивают. Она очень волнуется и говорит с сильным немецким акцентом. Ее демонстративно переспрашивают. Она волнуется еще больше и, забывая русские слова, переходит на немецкий.

Я вижу злые лица людей, слышу колючие реплики, брошенные в наш адрес. Я не понимаю, что они говорят. Но лица, перекошенные злобой, ненавистью и недоумением, не забуду никогда. Мне хочется громко закричать, защитить мою бабушку, оградить ее от злых людей: ведь она самая лучшая, самая добрая бабушка на свете! Она – *моя* бабушка! Я прижимаюсь к бабушке, обнимаю ее. Она молчит, и мы уходим. Почему мы не такие, как все? Кто мы? Почему живем здесь? Эти вопросы не дают мне покоя. От подобных мыслей мне снова становится грустно, и я бегу к бабушке на кухню.

Моя бабушка, София Петровна Фритц (1915 г.р.)

Здесь светло, тепло и уютно. Пахнет свежей выпечкой и простоквашей. Бабушка печет кребли. Горячие, с хрустящей корочкой, они особенно вкусные. Я пристаю к ней с расспросами: какой она была в детстве, где жила, какими были ее мама и папа... Но она не хочет рассказывать. Я не отступаю. Прошу показать старый альбом с фотографиями. Я помню его с раннего детства – и еще помню большую толстую книгу с готическим шрифтом. Бабушка читала ее каждый день. Это были те немногочисленные, но дорогие

сердцу вещи, которые моя бабушка во время депортации 1941 года сумела вывезти из Поволжья и сохранить, находясь в трудармии и на поселении.

С упоением слушала я бабушкины рассказы – о ее детстве, доме, семье, фруктовых садах, арбузах, о бескрайних просторах великой реки Волги. Это была совсем другая жизнь: полная добра, света, тепла и счастья. Со временем, становясь старше, я поняла, что бабушка сознательно обходила стороной тяжелые периоды своей жизни. Ведь она пережила революцию, коллективизацию, голод, малярию и тиф, раскулачивание, смерть отца, не вынесшего такого удара, а потом смерть молодого мужа... В двадцать три года осталась вдовой с двумя малолетними детьми на руках. Замуж больше не вышла, считая, что муж может быть только один.

Затем – война, депортация, принудительная разлука с маленькими детьми, трудармия. Но бабушка никогда не жаловалась, никого не обвиняла, всех прощала. Только перед смертью попросила меня не писать ее фамилию на могиле. Фамилия моей бабушки – Фритц. Можно только догадываться, что испытала она во время войны, депортации и трудармии. Фамилию на могиле бабушки я не могу написать до сих пор...

Наконец-то приходит с работы мой отец. Я радостно бегу ему навстречу. Мне нравится проводить с ним время. В семье он главный. Рядом с ним я чувствую себя в безопасности. С ним надежно, интересно и весело. «Это тебе зайчик просил передать», – говорит папа, протягивая мне земляные орешки. Я, конечно, понимала, что папа шутит, но было очень весело. Он всегда старался что-нибудь принести для меня. А когда он говорил: «Niksje, mai kintje», что на диалекте означало — ничегошеньки, мой ребенок, – радость не становилась меньше. Позже я узнала, что так было во многих семьях.

В детстве я очень любила забираться к нему на колени. Слушать детские книжки и смотреть телевизор мне было необходимо именно так. Нравилась мне игра, где коленями изображались кочки. Папа всегда сопровождал ее веселым стишком: «Trotz, trotz, triltje. Ter pauer hat ain filtje. Tes filtje kan net lawa. Ter pauer muss verkawa. Is tes filtje wek, hat ter pauer huntstrek». В переводе с диалекта это означало примерно: «Прыг, скок, прыг. У крестьянина была лошадка. Она не могла ходить. Крестьянин ее продал и остался ни с чем». Папа был высокий и худой. Сидеть у него на коленках, а тем более подпрыгивать, было твердо. Но эти счастливые моменты детства не забудутся никогда.

А какую чудесную елку наряжали для нас с сестрой родители! В далекие 60-е годы в магазинах не было мигающих гирлянд для Нового Года. Папа сделал такую сам. Он покупал журнал «Радио», ходил в библиотеку и самостоятельно изучал радиотехнику. Заниматься радиоэлектроникой было его любимым хобби. Он чертил схемы, собирал платы. паял... А лампочки для гирлянд мы красили вместе, используя для этого специальный разноцветный лак-папун.

Отец никогда не сидел без дела. Всегда что-нибудь придумывал, мастерил, точил, ремонтировал. Все соседи шли к нему за помощью. В доме, в подъезде, во дворе, а затем и в моей школе, очень многое было сделано его руками. Люди ценили и уважали моего папу не только за мастерство на все руки, но и за исключительную честность, порядочность и добросовестность. Отец очень многое умел. Он мог построить гараж или дом, сделать красивую мебель, починить кран, телевизор, электропроводку, собрать радиоприемник. Он мог вернуть к жизни любую испорченную вещь или сломанную игрушку. Все это делалось основательно, прочно, на совесть – по-немецки... В детстве я была твердо убеждена: мой папа может все! И что бы ни случилось, я знала: сейчас придет мой папа,

во всем разберется, все исправит, починит, поможет во всем. Как не хватает мне его сейчас! Его доброго взгляда, мудрого слова и надежных рук.

Папа работал столяром-краснодеревщиком на авиационном заводе им. В.П.Чкалова. Его уважали и ценили. Мастер-золотые руки всегда был востребован. Уникальные вещи, созданные им, живут и поныне. Самые сложные заказы и задания, где требовались нестандартные решения, ювелирная точность, особая прочность и красота, всегда доверялись только моему отцу. Так, например, по заказу директора завода папа сделал шикарный письменный стол из красного дерева и кресло, которые служат до сих пор, но уже другим владельцам. За долгий добросовестный труд на заводе папа был награжден медалью «Ветеран труда».

Сколько всего было сделано руками моего отца – и не счесть! Сделанные им деревянные оконные рамы – такой гладкости и качества, что сейчас многие думают, что окна пластиковые. Было у отца и много профессиональных секретов. Так, например, он покрывал кипящей олифой оструганные и идеально ошкуренные доски, точно подогнанные одна к другой. Пол из таких досок вот уже сорок лет идеально ровный и гладкий, как зеркало.

Как и все мастера высокого класса, отец очень ценил свой инструмент и дорожил им. Его рубанки, ножовки, стамески, ножи всегда были в идеальном состоянии: чистые, гладкие, блестящие. Все лезвия наточены как бритва. Некоторые инструменты были привезены отцом еще из деревни, куда он был депортирован еще ребенком. Этим инструментам был уже не один десяток лет, но выглядели они как новые. Как ему это удавалось? Ведь работал он ими постоянно.

Мой отец был прекрасным специалистом, он очень хотел учиться дальше. Но жизнь распорядилась по-другому. Получить образование ему не удалось. Депортация в глухую деревню, комендатура, бедность, голод, непосильный физический труд, тяжелая болезнь, а затем и болезнь моей мамы не позволили планам осуществиться.

У папы было трудное детство. Иоганнес Павлович Миллер, мой отец, родился в октябре 1937 года в селе Борегард (жители называли село Боргард) Автономной ССР Немцев Поволжья. Увидеть своего отца ему не довелось. По рассказам папы, мой дед был репрессирован в 1937 и расстрелян. Мне предстоит еще большая работа по розыску документальных сведений о нем.

А в сентябре 1941 по Указу Верховного Совета ССР как лицо немецкой национальности в трехлетнем возрасте мой отец в составе семьи был депортирован из Поволжья в Сибирь. Больше месяца в товарных вагонах под конвоем ехали они в неизвестность. На пороге глубокой осени оказались в глухой деревне – Новосибирская область, Мошковский район.

Холод, голод, жилья нет... Моя бабушка Паулина – одна с двумя малолетними детьми на руках. То немного, что она, уезжая из Поволжья, смогла взять с собой, пришлось выменять на еду. Русского языка никто не знает. Местное население настроено враждебно – немцы приехали! Пришлось жить и в землянке, и в крольчатнике. Собирали мерзлую картошку, которую иногда удавалось находить на полях, ели затируху. Чуть не погибли. А весной – крапива и лебеда.

Папа не любил рассказывать о своем детстве. Мне с трудом удавалось разговорить его. Тяжелые воспоминания оставляли грубые шрамы в душе. Однажды, когда совсем нечем стало кормить детей, моя бабушка Паулина без разрешения коменданта отлучилась в соседнюю деревню. Она пыталась обменять последнюю одежду, привезенную из

Поволжья, хоть на какую-нибудь еду. Кто-то донес об этом коменданту. Тот всегда ходил перед депортированными с пистолетом. И в этот раз на глазах испуганных детей он взвел курок и наставил дуло прямо на их мать. Комендант громко кричал, угрожал каторгой на двадцать лет. Тряс пистолетом перед лицом женщины и периодически ударял им о стол. При этом дуло пистолета было направлено в сторону матери и ее детей. Хотел ли комендант, чтобы пистолет случайно выстрелил? И был ли он заряжен? Неизвестно. Но безграничная власть коменданта в глухой деревне делала жизнь депортированных очень тяжелой.

В те годы в Сибири зимой стояли лютые морозы. Дети не могли даже выйти на улицу – не было одежды. Но постепенно жизнь стала налаживаться. За отработанные трудодни начали выдавать муку. Маленький Иоганнес постепенно освоил русский язык. Теперь все звали его Иваном. Папе рано пришлось работать. Он был пастухом, научился плотничать, работал на ферме, затем на лесоповале. Пришлось поднимать огромные бревна. Это подорвало неокрепший организм. Мой папа надолго слег от тяжелой болезни. Произошло сильное опущение внутренних органов. Этот недуг преследовала его всю жизнь. Он часто лежал в больнице. Всегда был очень худым. После болезни папа стал работать почтальоном, потом сельским киномехаником.

Со временем большая часть сельчан изменила свое отношение к депортированным немцам. Стали уважать их за трудолюбие, ответственность, честность, профессиональное мастерство. Кроме того, это были непьющие работники. Но случаи открытого проявления враждебности, ненависти и несправедливости по национальному признаку все-таки не были редкостью. Тем более, что у многих односельчан близкие не вернулись с войны.

Но жизнь продолжалась. Маленькая деревушка росла. Людям нужно было жилье. Моего папу, как известного мастера, постоянно приглашали на строительство домов. Особое умение и точность нужны для выведения углов дома, расчета и возведения крыши. Эту работу и делал мой отец. Сколько было возведено домов с его помощью, я не могу сказать, но многие, кто знал отца, рассказывают об этом. После отмены запрета на свободное перемещение депортированных мой папа смог перебраться в город. Здесь он устроился на завод, где и проработал всю жизнь.

**Мои родители: отец Иван Павлович Миллер – село Борегад;
мать Ида Христиановна Миллер, – село Розенгейм (фотография 1962 г.)**

Когда мне было девять лет, моя мама тяжело заболела. За ней требовался постоянный уход. Мы с сестрой помогали как могли, но основная забота легла на плечи отца. Папа стал для меня примером наивысшего проявления верности, преданности и любви. Мама так и не поправилась. Она стала инвалидом. Болезнь порой отступала, но никогда не покидала ее. Последние несколько лет жизни мама была прикована к постели. Все годы тяжелой болезни папа был рядом с ней. Он заботился о маме и вырастил нас с сестрой. Вместе мои родители прожили тридцать шесть лет. Двадцать два года из них мама была больна.

Любимые, дорогие мои родители! Как мне не хватает вас сейчас! Всем хорошим во мне я обязана вам. Папы не стало в августе 2010 года. Мой сын очень любил своего единственного дедушку. И в свои шестнадцать лет сын скажет: «Такого чистого душою человека я в своей жизни больше не встречал».